

Шанцзин (Столица)

Высокие красные стены тянулись нескончаемой лентой, склоненные ивы обрамляли их зеленью. Огромные круглые колонны застыли по бокам величественных ворот, от которых к широким ступеням тянулась ровно вымощенная дорога. Сами ворота сверкали свежей киноварью. Над входом ряды красных фонарей сменились белыми с иероглифом «Траур». Белые полотна ткани, повязанные на балках, погрузили всё поместье в колышущееся море белизны.

Мужчины и гэры в простых одеждах, подпоясанные белой тканью, торопливо сновали по извилистым коридорам. Тяжелый гроб был установлен в траурном зале, откуда доносился нескончаемый жалобный плач.

Измощенный знатный фулан средних лет припал к гробу, причитая в голос:

— Сын мой! Мой дорогой мальчик! Как же ты мог оставить своего аму? За что ты так жесток...

Двое верных слуг осторожно подняли его под руки:

— Госпожа, примите наши соболезнования.

Стоящие на коленях в зале наложницы и служанки тоже рыдали навзрыд, словно у каждого вырвали самое сердце. Стоявший неподалеку мужчина лет пятидесяти — по его выправке и властному виду сразу угадывался человек, привыкший стоять на вершине власти — наблюдал за этим, заложив руки за спину.

В его взгляде, устремленном на гроб, промелькнула тень скорби. Но когда он посмотрел на рыдающего супруга, в его глазах отразилось лишь недовольство.

Он произнес суровым голосом:

— Довольно. Перестань плакать. Слезами его не вернешь.

Гэр, прижимая платок к лицу, прошипел сквозь зубы, полный ненависти:

— Господин! Господин! Вы обязаны отомстить за нашего Кунь-эра! Он погиб так страшно! Вы не должны спустить это тем, кто погубил его!

— У слепой любви матери — испорченные дети. То, что Кунь-эр докатился до такого финала — результат твоего потакания. Хм!

— Мой мальчик был в порядке! Если бы ты не выставил его из столицы, разве умер бы он на чужбине? Бедный мой сын, аму даже не смог повидаться с тобой в последний раз...

При мысли о том, что спустя семь-восемь месяцев Кунь-эр вернулся домой лишь хладным трупом, и что он умер неизвестно в глуши, его охватывала неистовая ярость.

— Господин, пойдёмте во дворец! Попросим госпожу (императрицу) рассудить нас и отомстить за сына!

— Отомстить? За что? Кунь-эр пал смертью храбрых во время истребления бандитов. Те разбойники уже уничтожены семьей Ли. На этом дело закрыто!

У гэра исказилось лицо в гримасе: — Не верю! Стоило Ли Третьему там появиться, как мой сын

погиб! Не поверю, что они не связаны! Это семья Ли сгубила моего мальчика!

— Хм! У тебя есть доказательства? Если нет — держи язык за зубами и не смей болтать лишнего! Официально семья Мин теперь еще и в долгу перед семьей Ли!

Канцлер Мин холодно хмыкнул. По официальной версии, люди Ли проезжали мимо и обнаружили Мина Второго, погибшего в схватке стражи с бандитами на Линьцзянском тракте. Они не только с великим трудом доставили тело в столицу, но и призвали войска, чтобы вырезать разбойничье гнездо.

Разумеется, канцлер не верил в столь удачные совпадения. К сожалению, все его люди были перебиты, а тела некоторых и вовсе не нашли. Однако его шпионы донесли истинную картину: Кунь-эр сам искал смерти, пытаясь выслужиться на поприще подавление банды разбойников, чтобы поскорее вернуться в Шанцзин, но в итоге пал от руки мстителя — отца одного из тех гэров, которых он погубил.

Канцлер давно махнул рукой на младшего сына, не надеясь на его ум. Совершить такую глупость было вполне в его духе. Как бы он посмел требовать глубокого расследования перед лицом императора? Как бы он свалил вину за смерть сына на Ли Третьего? Даже если Кунь-эр умер не в бою с бандитами, канцлер обязан был закрепить именно эту версию. Героическая гибель на службе выглядит куда достойнее, чем смерть от руки разъяренной жертвы.

Но Ли Третий наверняка приложил к этому руку. Смерть сына определенно на совести семьи Ли! Даже если официально он не может предъявить им счет, втайне он обязательно отомстит. Семья Ли! Хм! Канцлер Мин слегка прищурился, и в его взгляде промелькнула беспощадная жестокость.

— Я пошел.

Тяжелая книга захлопнулась, и стройная фигура поднялась со своего места. Е Цзюньшу привел в порядок рабочий стол, взглянул на небо и добавил:

— Уже поздно, я приду завтра.

— А?

Цинь Яолянь, всё еще сжимавший кисть и ломавший голову над сочинением, на мгновение замер в растерянности. Затем он отложил кисть и тоже встал:

— Цзычжоу, ты правда собираешься каждый день так мотаться туда-сюда? Почему бы тебе не пожить у меня? Времени до экзаменов совсем мало, а ты тратишь столько часов на дорогу. Это же пустая трата времени!

Е Цзюньшу покачал головой: — Я не могу оставить дом.

Цинь Яолянь вспомнил о целой ораве малышей в доме друга и лишь раздосадованно вздохнул. Увидев, что Цзычжоу уже собрал вещи, он потянулся и сказал:

— Давай я провожу тебя немного, заодно проветрюсь.

Е Цзюньшу не стал отказываться. С улыбкой закинув плетеный корб на спину, он вместе с

Цинь Яолянем вышел со двора. На улицах в этот час уже было безлюдно. Цинь Яолянь, чей язык никогда не знал покоя, всю дорогу без умолку болтал о всякой всячине.

Внезапно он заговорил таинственным шепотом:

— Цзычжоу, а ты знаешь? Помнишь тех гадов, что отправились на зачистку бандитов? Ходят слухи, что вся эта свора из семьи Мин полегла там, ха-ха-ха... Небеса всё видят! Наконец-то за наш уезд Фэнчэн отомстили! Ты не представляешь — оказывается, старый хрыч (судья Ван) и несколько стражников выжили только потому, что попали в плен к разбойникам. Люди семьи Ли привели войска, уничтожили банду и вызволили их, но наказания им не избежать. Слышал, старого борова уже увезли в столицу, казнят после осеннего пересмотра дел!

Глаза Цинь Яоляня азартно блестели:

— Истинное возмездие!

— Это точно, — отозвался Е Цзюньшу.

Он и впрямь не знал таких подробностей. Третий молодой господин велел ему не любопытствовать, вот он и не спрашивал, ограничившись знанием о том, что главный мучитель — Мин Второй — мертв.

Вдруг Цинь Яолянь пристально посмотрел на Е Цзюньшу и резко спросил:

— Цзычжоу, а это дело случайно не твоих рук?

Е Цзюньшу на мгновение замер, но тут же невозмутимо переспросил:

— С чего ты взял?

Цинь Яолянь в кои-то веки выглядел озадаченным:

— Сам не знаю... Но мне почему-то кажется, будто кто-то за ниточки дергал, шаг за шагом подталкивая этого мерзавца Мина к могиле. Ты ведь...

У семьи Цзычжоу с Мином были старые счеты, и немалые. Но хватило бы у Цзычжоу духу на такие глубокие интриги? Пань Яолянь решил, что, верно, перемудрил. Хотя в тот период Цзычжоу вел себя странно...

Е Цзюньшу усмехнулся: — Ты думаешь, я обладаю таким могуществом?

— ...И то верно, — Цинь Яолянь почесал затылок. Хоть Цзычжоу всегда и отличался недюжинным умом, но в столь юном возрасте убить чужими руками, просчитывая каждый шаг — это звучало как сказка. Ему стало даже совестно, что он заподозрил друга.

Однако Е Цзюньшу зацепился за важную деталь:

— Ты сказал, что войска на зачистку привели люди семьи Ли?

— Ну да! — При упоминании об этом Цинь Яолянь снова воодушевился. — Ты представь, вражда между семьями Мин и Ли известна даже в нашем захолустье. Это ж до какой степени нужно друг друга ненавидеть! И при этом Ли смогли забыть о личных обидах ради общего дела, приехали разгрести ту грязь, что оставили после себя Мины. Не зря их называют защитниками государства — истинное благородство!

«Семья Ли... Ли Третий молодой господин? Неужели это он?»

Е Цзюньшу постоянно слышал, как окружающие называли его «Третьим молодым господином». Весьма вероятно, что это и был Ли Третий! Цзычжоу почувствовал волнение. По крайней мере, в этом бескрайнем море людей у него теперь был ориентир.

Пусть уверенности на сто процентов нет, но шансы велики: тот гэр — и есть Ли Третий! Наверняка он живет в столице. Если в будущем Е Цзюньшу отправится туда на государственные экзамены, возможно, им суждено встретиться снова. О том, что он будет делать при этой встрече, он старался не думать.

— Еще я слышал, что двор прислал в наш уезд нового судью. Надеюсь, он не окажется таким же подлецом, как старый хрыч.

— Новый судья? — Е Цзюньшу переключил внимание на новости о «родителях народа», как называли чиновников. — Что еще о нем известно?

Цинь Яолянь призадумался и покачал головой:

— Слышал краем уха в частной школе, больше ничего не знаю. Отец должен быть лучше осведомлен.

Учитель всегда знал больше. Е Цзюньшу кивнул и больше не спрашивал.

Когда они подошли к городским воротам, Цинь Яолянь предпринял последнюю попытку:

— Цзычжоу, ты точно не хочешь пожить в городе? Ну, хочешь, привози младших братьев с собой! Мой аму присмотрит за ними!

Е Цзюньшу мягко отказался: — Дети не знают города, здесь нет их друзей, им будет неуютно. В деревне куда привольнее: гуляй где хочешь, куча знакомых ребят вокруг, и можно не бояться, что кто-то потеряется. Городу до такого далеко.

Цинь Яоляню нечего было возразить.

Е Цзюньшу не выдержал и улыбнулся:

— Но я обязательно привезу детей в город навестить шиму. Он ведь еще не видел близнецов.

Это решение он принял давно, просто дела наваливались одно за другим. К тому же из-за страха Лу-гэра перед городом дети до сих пор не покидали деревню. Услышав это, Цинь Яолянь просиял:

— Правда? Ловлю на слове! Не вздумай передумать, я побежал радовать аму! — И он со всех ног пустился домой.

Е Цзюньшу только и успел крикнуть вслед:

— Да я же еще даже с днем не определился!

Но Цинь Яолянь уже скрылся из виду. «Ну и ну, шицюн слишком уж тороплив».

Е Цзюньшу с улыбкой повернулся и вышел за ворота. Он шел быстрым шагом, попутно прокручивая в голове тексты, заучивая «Четверокнижие» и «Пятикнижие» так, чтобы они

отпечатались на подкорке. Если какое-то место казалось неясным — повторял его снова и снова. Для него это не было пустой тратой времени: дорога превращалась в повторение пройденного, а заодно и в хорошую физическую тренировку.

Экзамен в академии был уже не за горами, но на душе у Е Цзюньшу, вопреки ожиданиям, было спокойно. Мин Второй мертв, главная угроза семье устранена. Теперь у него есть время. Он может не спешить. Даже если он не сдаст экзамен в этот раз, у него будет следующая попытка — через три года, когда ему исполнится всего восемнадцать. Он еще очень молод.

Успокоившись, он начал прогрессировать с поразительной скоростью. Учитель ничего не говорил вслух, но в его глазах всё чаще светилось неприкрытое одобрение.

Е Цзюньшу не позволял себе возгордиться. Он понимал, что по сравнению с другими учениками ему еще далеко. Даже если не брать в расчет чужаков, сейчас он всё еще уступал своему шицюну. Хоть Цинь Яолянь и отлынивал от экзаменов как мог, под бдительным взором учителя он всё же не переставал учиться. Его база и познания были куда крепче, так что Е Цзюньшу предстояло трудиться еще усерднее.

Закончив про себя очередную главу учебника, Е Цзюньшу добрался до дома. При мысли о детях, ждущих внутри, усталость как рукой сняло.

<http://bllate.org/book/15226/1366786>